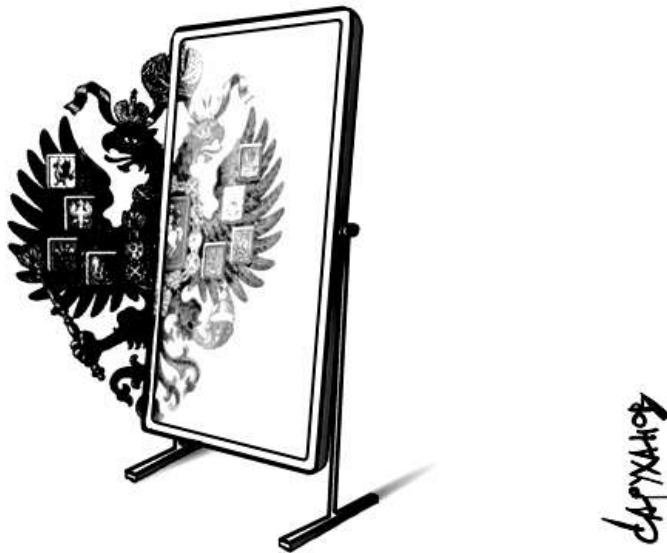

Империя наизнанку

Как и зачем мы устранили логику и правду в своей собственной истории

Как и зачем мы устранили логику и правду в своей собственной истории

I.
Назвать протестное движение Украины «фашизмом», а Россию, желающую поглотить былую колонию, представить борцом с фашизмом — это красивый ход. Национальное сопротивление колоний действительно принимает уродливые формы — но к фашизму отношения не имеет. Между карбонарием и чернорубашечником — существенная разница.

Однако события сегодняшнего дня перенесли в дискурс прошлого века — и миллионы поверили, что те украинцы, кто повторяет лозунг националиста Бандеры, действительно повинны в Волынской резне. Используют термин «нацисты» по отношению к украинским солдатам, которые обороняют территорию своей страны, — события Великой Отечественной войны переплели с событиями сегодняшнего дня.

Это привело к смысловой неразберихе.

Русские патриоты убеждены, что защищают страну от внешнего вторжения, хотя война идет на территории Украины, а не наоборот; но речь о «фашизме», и ясно: первыми начали фашисты в сорок первом.

Многие уверены, что Россия отстаивает социальное равенство вопреки американскому неокOLONиализму; уверены, что вооруженные люди на Донбассе отстаивают социализм в борьбе с капитализмом.

Был внедрен лозунг, будто Донбасс сегодня — это Испания 36-го года, боевиков сравнивали с интербригадами, сражавшимися с фашизмом.

Стали говорить, что сепаратисты борются с фашистами-олигархами — за социалистическое хозяйство.

При этом олигархи Кремля, которые богаче украинских, вооружают Донбасс. Освобожденные от ига украинских богачей, рабочие не сплотятся в коммуны; да это и не пролетариат — рабочие и их семьи бегут.

При этом лидеры Донбасса говорят о присоединении к России, в экономике которой социалистических намерений ни на грош.

На флаге Донецкой республики изображен российский монархический двуглавый орел, премьер-министр ДНР Бородай (генерал ФСБ, присланный из России) заявлял о необходимости воссоздания Российской империи в ее былых границах, а начальник вооруженных сил ДНР — российский полковник Гиркин («Стрелков») заявил, что сражается за монархические ценности.

По набору идеалов представители Донбасса ближе к франкистам, но их воображают защитниками анархо-синдикалистских хозяйств Испании. Право и лево в этой истории перепутаны — но войскам рекомендуют идти вперед, до Киева.

Социальный компас сломан и в Европе. Политика Путина связана одновременно и с европейскими правыми («Народный фронт» Марин Ле Пен и прочие националистические партии Европы), и с европейскими левыми, видящими в Путине противника американского диктатора, следовательно, — союзника.

Строй, созданный Путиным, оппозиционен американскому, который левые считают империалистическим, — следовательно, Россия есть антиимпериалистическая сила.

В то же время Россия стремится вернуть утраченные территории (называя бывшее имперское пространство «Русским миром»). Подавление Украины есть не что иное, как обычная имперская практика: имперская Россия подавляла украинские и польские мятежи регулярно. Советская Россия, как наследница Российской империи, подавляла мятежную Чехословакию и Венгрию, — проявляя себя не защитницей социалистических идеалов равенства, но охранительницей имперских рубежей. И сегодня Россия воскрешает ту же традицию.

Европейским левым не стоит фантазировать: воскрешают не Советский Союз с его социалистической Конституцией. Произошло то, что невозможно было представить во время советской власти, — прославили Первую мировую войну, которую было принято считать позорной империалистической войной.

Президент страны уже выступил с утверждением того, что законной победы Российской империи в те годы лишили предатели Родины — большевики, помешавшие войне до победного конца.

Россия сегодня представляет государственный капитализм, лишенный профсоюзов; империя, выступающая за возврат утраченных территорий и рынков, никак не может служить надеждой для левых — однако ненависть к американской гегемонии столь велика, что все, противостоящее Америке, воспринимается как левое.

Сара Вагенкнехт ни за что не поймет, что своей пылкой речью против Меркель она помогает кремлевским олигархам Сечину и Тимченко и в реальности коллаборирует с Марин Ле Пен.

Возникла исключительная по нелепости ситуация: крайне правые в Европе и крайне левые в Европе одновременно поддерживают имперскую Россию. Разумеется, имперский национализм соответствует правой доктрине. Однако Россия противостоит концепции глобализации, каковая трактуется как неоколониализм, — а следовательно, национальная идея России близка к левому дискурсу.

Как следствие смысловой абракадабры — колонизацию Украины объявили борьбой с неоколониализмом.

Опорой Российской империи всегда был и всегда будет европейский моральный релятивизм. Раскол в сегодняшней Европе в то время, когда требуется европейское единство, одновременная поддержка левых и опора на правых, в этом противоречивом соглашательстве — питательная среда русского фашизма.

II.

Людей убивают тысячами, миллион беженцев покинули Донбасс, но никто внятно не скажет, из-за чего воюют. Если настаивать на ответе, услышите: «Геополитика!» Волшебное слово. То есть тысячи людей возбудили, погнали на убой и умертвили — ради условных границ, ради фантазии, согласно которой у стран есть свои ареалы активности — и в своем ареале страна вправе убивать.

Говорят: да, Украина сама по себе опасности не представляла, но ведь у Украины были «западные кукловоды», которые могли ее в будущем направить на Россию. Борьба (и это уже никто не прячет) идет в лице Украины с Западом.

Солдаты российской армии сегодня едят на танках не только «на Киев», но и «на Берлин», объединив в своем сознании обе войны: Отечественную и сегодняшнюю, диверсионную. И чувство справедливого возмездия внешнему врагу охватило толпу. Одновременно умудрились провозгласить два противоречивых положения: а) украинцы и русские — это единый народ, следовательно, Россия вправе решать судьбу Украины и б) украинцы — фашисты, и «укров» надо покарать за предательство «Русского мира».

«Русский мир» обижен Западом: на рубеже веков Запад развалил Русскую империю. Сегодня речь идет о возвращении рубежей, утраченных в то время, когда страна подпала под влияние западной идеологии и была, как считают сегодня, ограблена.

В обиход вошли словосочетания «Русская весна» и «Русская реконкиста». Правды ради надо сказать, что фигурантами приватизации выступали ставленники российского правительства, — но ведь деньги они держали в западных банках.

Спустя четверть века после перестройки, которая провозгласила курс на Запад, Россия изменила вектор движения. Сегодняшняя война в Украине — это месть идеалам, которые уничтожили (так считают сегодня) российскую славу. Мстим иллюзиям — считалось, что Россия должна разделять ценности европейской цивилизации. Сегодня говорится, что Россия имеет собственные ценности, а навязанные ей извне — были ловушкой. Конечно, было бы логичнее объявить

войну непосредственно Америке — поскольку провозглашен лозунг противостояния евразийской цивилизации и атлантической цивилизации. Непонятно, почему битва цивилизаций должна проходить на дачных участках Донбасса, а не в Тихом океане среди ревущих волн, — но слабым соседям бить удобнее.

Русское общество изменилось за полгода. Вот уже пишут про певца, спевшего в Киеве, что певец — пособник фашистов; вот уже требуют, чтобы несогласные с политикой убирались из страны; вот уже закрыли вещание западных радиостанций; вот уже говорят «национал-предатель» — и это не считается ужасным. И всякий день ждешь, что вождь выступит с репликой о «перегибах на местах», мол, «не все нерадивые хозяйственники обязательно троцкисты».

Но издают новый запретительный закон и вводят новое ограничение. Журналисты, домохозяйки, политики впали в неистовство: все хотят войны с «Гейропой», как Европу теперь называют в России. Гейропа — рассадник гомосексуализма и разрушитель традиционного общества, а Россия спасет мир и остановит разврат. Помилуйте, как же западные левые поддерживают данную точку зрения: это же цирк. Но поддерживают.

Оппозиции внутри России практически нет. Многие из тех, кто ходил на демократические демонстрации, стали борцами за «русскую идею». Впрочем, оппозиция была «внесистемная»: в рядах демонстрантов шли рука об руку националисты и демократы, программы общественного строительства не было; сегодня светская оппозиция растаяла, и граждане в едином порыве объединились вокруг вождя.

Безумное сплетение социалистической, имперской, националистической аргументации свидетельствует о неорганизованном сознании. Но основная беда в другом.

Переплета события сегодняшнего дня с событиями Второй мировой, идеологи России совершили самое ужасное, что только могли придумать в отношении собственной истории.

Сегодняшняя ложь приросла к вчерашней правде, и вчерашняя правда неизбежно исказилась.

История — это общий единый непрерывный процесс; невозможно, извратив понятие однажды, — оперировать этим же понятием в его подлинном значении в другом фрагменте истории.

Используя сегодня понятие «фашизм», «хунта», «нацизм» спекулятивно, в имперских колониальных целях, эти понятия обесценили, денонсировали в принципе.

Историкам в принципе сложно отделять факт от идеологической трактовки такового; но стараниями сегодняшних лжецов в дальнейшем это будет невозможно. История — это пророк, предсказывающий назад, как сказал Фридрих Шеллинг, и сегодняшняя российская борьба с фашизмом, став ложью и фарсом, грозит опрокинуться в прошлое и переделать прошлое под сегодняшнюю ложь.

Если Путин — антифашист и его поддерживает Сара Вагенкнехт, борец за левые идеалы, а эти же идеалы поддерживают Тимченко и Марин Ле Пен, — то, простите, за что сражались во Второй мировой?

Мы устранили логику и правду в своей собственной истории.

Теперь предстоит все объяснять заново.

III.

Нам говорят, что в Украине не сложилось государства. Но если государства нет — то какой может быть фашизм? Фашизм — это культ личности, в Украине вожди сменяют друг друга. Фашизм — тоска по былой империи; но империи в Украине не было никогда. Страна с не сложившимся государством, без лидера и с хаотичной системой управления: о каком фашизме может идти речь? Произносят слово «хунта», но в правительстве Украины нет ни одного военного — напротив, в российском правительстве практически все имеют чины. Позвольте, может быть, не там фашизм ищут?

Русские граждане отмахиваются: уж в России точно ни хунты, ни фашизма нет! Как может быть фашизм в стране, победившей фашизм? Евреев не трогают, даже «Эхо Москвы» не закрыли — подумаешь, журят «пятую колонну»! Подумаешь, говорят об «антинародной элите»! Патриоты смеются: разве мы фашисты? Это «укры» — фашисты!

Однако Россия и Украина столь тесно связаны, что зеркально отражают друг друга, — малый национализм Украины есть рефлексия национализма России. Ровно в той мере, в какой Украина проявляет свой национальный характер, борясь с Россией, сама Россия проявляет свой национальный характер, борясь с влиянием внешнего мира. Протест Украины против москалей, разве не схож он с протестом России против Гейропы?

Сталкиваясь с русским, венгерским, греческим, французским национализмом, мы останавливаем себя: а фашизм ли это? Стоит сказать слово «фашизм», вас поправят: фашизм — это то, что было в Италии Муссолини; аккуратнее с терминами!

Указывают на отличия общества Германии и Италии 30-х годов, и, если применить термин «фашизм» к сталинской России и режиму Франко и Салазара, это потребует культурно-исторических уточнений. Бегство от определения понятно с научной точки зрения, но мы медлим с суждением, а опасность растет.

Вирус фашизма в очень интенсивном развитии; ссылаться на врачебное заключение 50-летней давности, на мнение Ханна Арендт или Поппера, ценно не более, нежели на мнение врача начала XX века о раковых клетках. Сегодня колоссальный всплеск фашизма перечеркивает изыскания по этому поводу. Мы уговариваем себя: это не окончательный диагноз — это так, просто побаливает. И ведь не все признаки сходятся.

Сегодняшний политический дискурс показывает, что фашизм — есть общий знаменатель уравнения, а в числитель уравнения история помещает культурные особенности страны, пораженной вирусом: российское мессианство, германский реваншизм, украинская гордость, венгерская спесь.

Следует назвать характерные черты фашизма — общие для всех культур.

1) Первое определение фашизма, неременный компонент знаменателя фашизма — национализм как двигатель государственной идеологии.

Фашизм — это национальная идея, поставленная над общечеловеческой моралью. Национализм есть последняя карта, которую правительство страны выбрасывает ограбленному населению: если нет возможности иначе создать единства, то единство создается по племенному признаку. Сегодня в России поворот к национальной идее произошел. Когда экономика в тупике, когда иная культурная программа отсутствует, остается одна «духовная скрепа» — родоплеменная принадлежность. Родовые черты объявляют духовной особенностью.

Сегодня в России много говорится о специфической «русской идее», но что это за идея, объяснить никто не может. Говорят о том обществе, которое отстаивает национальную идентичность, совокупность родовых привычек. А в чем заключаются особенности жизни при осознании этой идентичности — не говорят. Значит ли это, что короткий срок средней продолжительности жизни, разрушенное производство, дурные бытовые условия для большинства и привилегии немногих — национальная идея? Если подобный мир распространяется во внешний мир, захватывая новые земли, — хорошо ли это? Ответа данный вопрос не имеет.

2) Вторым признаком фашизма является ретроспективная империя. Можно трактовать этот пункт как реваншизм. Однако имеется в виду нечто большее, нежели желание отомстить бывшему противнику за проигрыш в войне. Возвращают не просто территории, возвращают смысл существования страны, который заключается в имперском статусе. Станет ли жизнь российской крестьянки лучше от присвоения Крыма, который ее не согреет и не накормит? Стала ли жизнь берлинского рабочего лучше от аншлюса Австрии? Разумеется, ни на йоту. Но факт принадлежности к надличной идее делает жизнь бедняка осмысленной, позволяет нищему терпеть невзгоды. Социальные реформы обманули; к фашизму приходят от разочарования в прогрессе — позади, в былой славе Отечества ищут спасения от современной неудачи.

Так Муссолини обращался к Древнему Риму, Гитлер — к мистическим нибелунгам, так современная Россия обращается к Российской империи — через голову социального прогресса.

Фашизм — это всегда месть обманувшему ожидания прогрессу. Фашистский империализм — это всегда ретроимперия, это социум, выведенный искусственным путем, гальванизированный труп империи. Фашизм — это всегда вторичный продукт. Был ли фашизм в Древнем Риме — ведь это же была империя? Но Древний Рим был естественным образованием, сложившимся в силу исторической эволюции. Рим Бенито Муссолини, как и Третий рейх Гитлера, — были искусственно созданными социальными реконструкциями. Империи долго умирают. Очень долго не могла Британия отдать Индию, Франция — Алжир, и Германская империя тоже долго не хотела умирать; то, чему мы свидетели сегодня, — это долгая агония Российской империи, начавшаяся в прошлом веке; фантомная боль империи сильна, она провоцирует дикие поступки.

Отнюдь не всякая империя приговорена к тому, чтобы при своем развале производить фашизм. Точнее будет сказать, что тоска по империи дает всплеск фашистской активности; такие локальные явления, как британский фашизм, имели место. Вероятно, правильнее будет утверждать, что вторым и важным фактором фашизма является «ретроимперская» идеология, поворот вспять от

прогрессистских социальных концепций века. Собственно, из этого вытекает характерный для фашистского общества социальный традиционализм, противостояние прогрессивным доктринам, а именно то, что именуют «консервативной революцией». В России, спустя 25 лет после перестройки, подвергшей ревизии социалистическое ханжество, произошла «консервативная революция», отрицающая опыт социализма в принципе, — возникает общество, принявшее идеалы Империи как идеалы развития.

3) Третьим фактором, определяющим знаменатель фашистского общества, является тождество государства и народа, тождество лидера и нации.

Это такое тождество, которое элиминирует структуру социума, заменяя сложность общества простым уравниванием. Уравнивая народ и государство, легко достигают эффекта, при котором противник государственной политики превращается во «врага народа»; уравнивая нацию и лидера, достигают эффекта, при котором противник лидера нации делается «национал-предателем». Возвращение терминов «пятая колонна» «национал предатель», «антинародное мышление» — свидетельствует о том, что такой эффект уже достигнут. Большинству эта риторика кажется заслуженным воздаянием за годы лицемерия: надоело вранье о демократизации. Случившееся сегодня в точности воспроизводит модель общественной трансформации, описанную в восьмой книге

«Государства» Платона: демократия передала свои полномочия олигархам, а те уже стали маленькими диктаторами, и по их плечам со временем приходит настоящий тиран, который протягивает — поверх голов олигархов — руку народу и говорит народу: зачем вам сложная иерархия социальных отношений? Вас обманули олигархи — то есть вас обманула демократия, так давайте вернемся к подлинной народной власти. А власть народа воплощена в его лидере. Я — и мой народ, какой еще симфонии власти вы хотите?

Сила фашистской риторики в том, что олигархия действительно уродлива. Когда народ унижен до такой степени, что он уже не может терпеть того, что ошибочно именуют «демократией», тогда — как избавление от олигархического произвола — приходит долгожданная тирания. Народу непонятно, что происходит нечто худшее, чем даже олигархический режим, ибо даже олигархическая власть оставляла лазейки для существования. В момент, когда воля тирана и народа уравниваются, судьба гражданина практически предрешена: человек стал пушечным мясом.

4) Четвертым фактором, определяющим знаменатель фашизма, — является языческое, мистическое сознание. Обращаясь к корням, к традиции, фашизм проходит в глубь времен, сквозь христианство, поскольку невозможно опереться на христианство в национализме и имперском чувстве. Христианство построено на преодолении национализма, христианство есть антиимперская доктрина. «Нет ни элина, ни иудея, — говорит апостол Павел, — но все и везде —

Христос». Разумеется, с такой посылкой идея национальной ретроимперии не может ужиться. Любая национальная религия всегда слегка заигрывает с язычеством, как заигрывает с язычеством российское православие сегодня. Православие с неизбежностью мутирует в национальную религию — и это характерно для процесса фашизации общества. Внедрены — с согласия православной церкви — определения «русскости»: русский — это генетический русский, говорящий по-русски, живущий в России, гражданин РФ, исповедующий идеалы православной культуры, не имеющий обязательств перед другими нациями.

Поскольку это неизбежно дробит государство по национальному признаку (например, мусульмане, живущие в России, не могут разделять идеалы православия; Ельцин предложил термин «россияне», теперь этот термин никого не устраивает), поскольку данное положение опирается на биологическую идентичность (что попросту есть нацизм), это превращает православие в племенную религию, иными словами — противоречит духу и букве христианства.

Поэтому, когда идеолог сегодняшней «реконквисты» геополитик Дугин называет себя православным, с точки зрения религии он совершает кощунство: как можно одновременно быть националистом и православным? Это же нонсенс! Нельзя требовать крови иноплеменников и называть себя христианином — это белиберда.

Однако национальная религия дает странную возможность улизнуть от этого счета. Возникает характерная для фашизма амальгама христианства и язычества. В качестве мессианского аргумента появляется особое сакральное знание предназначения нации. Массам никогда не дают информацию, толпе дают мистическое прикосновение к тому знанию, которым обладают посвященные. Собрать браминов в касту посвященных — это характерно для фашизма, так и произошло сегодня. Не социалистическая мораль, не капиталистическая выгода, не демократический закон — идеологией стала мистическая вера в геополитику. Геополитика в сегодняшней России — мантра, объясняющая историю. Геополитика сегодня — это форма сознания нации, и те, кто обладает пониманием геополитики (жрецы — то есть правители), ведут народ в бой.

Смысл геополитики в исполнении исконного предназначения России — быть Евразией, противостоящей атлантизму. Про эту цель говорят постоянно: евразийский мир, геополитические интересы России, русское пространство. Не произнесли слов *Lebensraum* — но суть та же. Спросите человека на московской улице, что такое Евразия, и ответа вы не получите. Патриоту объяснили, что Россия — это Евразия, но, поскольку самой Евразии в природе и в истории не существует, толковать миф затруднительно.

5) Пятым фактором в знаменателе фашизма является **пафос возмездия**. Фашизм — это возмездие демократии.

Демократия не идеальный инструмент общественного строительства, и демократия может превратиться в олигархию, как это было когда-то в Афинах, как это произошло в России. В целом это беда всего современного мира — корпоративное общество, которое очень близко подошло к олигархической структуре. В России это проявилось в самой уродливой форме. То, что население использовали в целях

обогащения единиц, трудно отрицать; то, что демократия, которую увидела Россия, была демократией колониального типа, трудно отрицать; то, что российское население почувствовало себя обманутым демократической риторикой, — отрицать невозможно.

И людям сегодня сказали, что Россию обманул Запад. В этом была доля правды: с Запада пригласили учителей-бизнесменов — а вот Альберта Швейцера в учителя не позвали. Разумеется, Россия сама выбирала, чему учиться у Запада, и выбрала совсем не гуманизм — но трюки финансового капитализма; однако виноватым в русской беде считают Запад.

В лице Украины Россия сегодня мстит вообще Западу, западной идее, именем которой осуществлялась нелегитимная приватизация. Сегодня русские патриоты злорадно говорят украинцам: ну что, получилось у вас, «укров», попасть в Европу? — забывая, что сама Россия тоже хотела в Европу попасть, и не получилось. А получилось воспроизвести привычную модель крепостничества — вина Запада в этом невелика.

Будет только справедливым сказать, что внешний мир так торопился развалить социалистическое хозяйство России, что приватизация была проведена, минуя все правовые нормы, и отобрала у народа то единственное, что как бы принадлежало народу — недра и богатства земли.

Недра принадлежали отнюдь не государству: советская Конституция (ленинский декрет, не отмененный впоследствии, отдал собственность на землю и недра — народу) не могла использовать слово «государство» хотя бы потому, что коммунизм (к которому шло общество согласно программе) отрицает государство. Таким образом, население обманули — и в этой ситуации фашизм является одним из ответов.

Народ не понимает и не хочет понять того, что пришедший на смену олигархату режим не собирается возвращать народу украденное. Фашизм, приходя по плечам олигархата, фиксирует прибыль олигархов, становясь верховным олигархом, использует все преимущества, полученные от мутации демократии в олигархию.

IV.

В числителе русского фашизма может находиться нечто, отличающее его от фашизма итальянского или венгерского, от германского нацизма или от франкизма.

Но радикал уравнения — соответствует фашистской доктрине. Фашизм — это явление, не укорененное в одной точке истории. Фашизм путешествует по телу человечества, возникает при совпадении факторов, мимикрирует, приспособливаясь к культуре.

Сегодняшний режим отличает одно, но радикальное свойство.

Общество, созданное Гитлером, Сталиным, Муссолини, — было эффективным в производственном отношении. Развитие Советского Союза при Сталине, развитие Германии при Гитлере — было во многих отношениях триумфом воли.

Общество, созданное в современной России, абсолютно экономически не эффективно; это разложившееся собрание спекулянтов, которое не производит практически ничего и не в состоянии навести порядок на собственной территории.

Претензия навести порядок в мире (перекроить мир по новым лекалам) звучит тем смехотворнее, что это может лишь означать, что весь мир погрузится в такое же убожество, как русские деревни и провинциальные города.

Расширение необжитого пустыря до бесконечности — есть единственная программа современного ленивого евразийства, тем более нелепая программа, что для существования условной Евразии требуется богатый сосед — иначе кому продавать ресурсы?

Одна из сегодняшних иллюзий: считать, что в России победил государственный аппарат и государство задавило гражданское общество, — в отличие, например, от Украины, где государство не сложилось.

В России никакого государства нет точно в той же степени; управленческими процессами ведает своего рода корпорация; она занимается не производством, но спекуляциями, что накладывает особенности на облик менеджеров. Корпорация ведет антигосударственную политику, уничтожая страну и граждан: легкость, с какой граждане лишаются существенных прав — медицинского обслуживания, жилья, заботы в старости, — потрясает.

По сути, это неолиберальная политика, можно было бы назвать этот строй мафиократией — члены правящей корпорации связаны преступлением: никто из них не заработал тех богатств, которые имеет, богатство досталось вследствие противозаконно проведенной приватизации. Крестный отец время от времени осуществляет показательные экзекуции, выбирая непокорного бизнесмена — такого, который не несет деньги в корпоративную копилку. Это похоже на мафию, но это не вполне мафия, поскольку преступники не нарушали законов — они сами представляют закон, во всей его уродливой гибкости.

Мафиози получили от квазигосударства свое богатство: улусы, феодалы, наделы. Неолиберальная корпорация живет сообразно казарменному произволу. Это нонсенс, это небывалая нелепость — но так и есть.

Перед нами постсоциалистический феодальный строй, невероятное социальное образование. Именно это и объясняет поразительный право-левый эффект.

Хозяева квазигосударства представляют собой небывалый в истории социальной науки гибрид: это офицеры госбезопасности — и одновременно миллиардеры. Теоретически комбинация невозможна — но в условия постсоциалистического феодализма такое оказалось естественным.

Сегодняшнее желание России вернуться в статус Российской империи (желание, которого никто и не скрывает) фактически обозначает возвращение к крепостному

строю. Именно так, и более никак, можно управлять народом на длинных и бесплодных просторах с разрушенным хозяйством.

Любопытно, что председатель Конституционного суда России (!) В. Зорькин публично заявил о том, что «крепостное право было одной из духовных скреп русского народа».

То, что русский народ сегодня отождествил себя с государством, а государство отождествил с лидером (по классическому фашистскому рецепту), — означает одно: возвращение к имперскому закреплению — в этом и состоит особенность рашизма.

Международная политика сегодняшнего дня принимает соревнование между неоколониализмом и крепостничеством за битву цивилизаций; но цивилизационного выбора здесь и в помине нет.

Только от объединенной Европы, Европы Иммануила Канта и Альберта Швейцера, зависит: сумеет ли она противопоставить этому бреду европейскую доктрину гуманизма?..

Автор: Максим Кантор

Постоянный адрес страницы: <http://www.novayagazeta.ru/society/66422.html>